

СТОЛЬ ТРУДНАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

1

Давно с оттяжкой и натяжкой
слова нас хлещут по скуле
(так встарь говаривал портняжка,
служа при голом короле):
«Все на рывках, на пережимах,—
иная мера не дана,—
ах, это время одержимых,
презревшее полутона!..»
Когда попрек прицельно тонок,
когда повсюду слышен он,
совсем не трудно сбиться с тона
и метить в общий полутон.
Одним поветрием недужим,
когда помешан белый свет
на ерунде словесных кружев,
не облакающих предмет.

2

Бывает так: и в дело вжился,
и, с правдой-маткой сверив пыл,
сказать собранию решился
свое. И рот уже раскрыл.
Вдруг страх скует. Не станет воли.
И жалко пискнешь оттого
не то, что выстрадал, а то лишь,
что не задело бы кого.
Как сон дурной. В кино, положим,
когда проекцию качнет,
мы «рамку» выкрикнуть не можем,
все ждем, когда сосед начнет.

Сидишь и люто ненавидишь
себя за то, что молча лих,
ничуть не радуясь, что видишь
такое ж точно у других.
Во многих залах тем же скован,
ты вдруг подумаешь с тоской:
не стать бы жизненным законом
жидкохребетности такой.
Пока молчком кусаем губы,
в нас воли б нашей не изжил
благообразности сугубой
парализующий нажим.
Не потому ль душа и рада,
когда ожжет тебя, как бич,
живейшая, среди парада,
не общих слов косноязычь.
Их, как глубинную подкладку,
в самом себе дерзнув открыть,
ты убеждаешься, как сладко,
как славно правду говорить.

3

Но пусть бы вовсе онемела
душа на звуке роковом,
когда берется суть да дело
для фразы лишь о таковом,
когда в словах о деле некоем
одно заложено впотай:
проговорил, прокукарекал,
а там — хоть век не рассветай.
В такой трибунности бездумной
какая, к бесу, благодать,
коль в ней, как моря по-за дюной,
за словом дела не видать.
Тех мастеров отвагой тешусь,

что не для красного словца,
но лишь по жизни в дело вѣвшись,
его и ломают до конца.

Призванья их бессменной стражей
и крепок века испокон
над половинчатостью нашей
определенности закон.

И нет на свете отреченья
от самых главных наших мет,
как нет и третьего значенья
между словами «да» и «нет».